

ШКОЛА С ХОРОШИМ ХАРАКТЕРОМ

Очерк о школьном жизненном укладе

Нина ЦЕЛИЩЕВА

Как-то в деловой беседе начальник федеральной инспекции Виктор Фёдорович Сауткин высказал неожиданную мысль: он считал необходимым и приоритетным для себя разработать положение об укладе школьной жизни. Меня это тогда поразило: главный инспектор образовательной отрасли ведёт речь о таком житейски расплывчатом понятии, как жизненный уклад. А он увлечённо говорил об атмосфере Пушкинского лицея, кадетских корпусов, Бестужевских курсов, которые воспитывали человека чести. Сетовал на то, что у нас сегодня это понятие отнесено к разряду безнадёжного анахронизма, исключено из употребления за ненадобностью.

Со времени нашего общения прошло больше года. Но мысль этого умнейшего человека, эмоциональная энергия его убеждённости занозой сидели во мне всё это время. «Для школы — это важнейший показатель качества образования», — говорил тогда Сауткин.

Тем временем редакционная почта — и обычная, и электронная — приносила статьи, в которых я искала подтверждение этой мысли. Управление... мониторинг... модернизация... новые стандарты общего образования. И ни слова об укладе школьной жизни! Я уже начала думать: может, это такой же феномен, как душа, дух, женское (или мужское) начало в человеке? Вроде бы всем понятно, о чём речь, а поди попробуй дать чёткое определение, сказать, что это такое... В растерянности задумаешься, да так и застынешь в задумчивости. Даже энциклопедический словарь ушёл от ответа, ограничившись объяснением уклада экономического...

За суетой дел я забыла об этой теме. А недавно в очередной командировке судьба привела в Татарско-Кандызскую сельскую школу. Всё время, пока я знакомилась с её работой, с учителями, витала надо мной тень Виктора Фёдоровича Сауткина. Кажется, я начала понимать, что он имел в виду, энергично ратуя за положение об укладе школьной жизни.

...Знатоки утверждают: цветы хорошо растут там, где живут хорошие люди, а значит, в доме — благоприятная аура. Если это так, то в Татарско-Кандызской средней школе работают люди прекрасные: давно не видела я такого цветочного буйства — в некоторых торшерах из-за бело-розового облака цветов не видно листьев.

Асия Вильдановна, директор школы, видя моё изумление, с улыбкой пояснила:

— В школе всегда цветы хорошо растут, у детей добрые сердца...

Позже я увидела в школьной рекреации стенд, которого никогда, нигде, за все долгие годы профессиональной жизни не встречала. Рядом с фамилиями выпускников-отличников, рядом со стендом, с которого победно улыбались выдающиеся спортсмены школы, каллиграфическим почерком были перечислены имена и фамилии многих ребят, а над ними крупными буквами: «**Дети с хорошим характером**». И от моего предварительного плана работы в школе не осталось и следа. В самом деле: пройдите по рекреациям, по кабинетам, просмотрите характеристики, которые во множестве пишут педагоги на учеников, — найдёте ли вы такую оценку школьника? Да и что это такое — хороший характер? Какие они, дети с хорошим характером — послушные? Прилежные? Дисциплинированные? Круглые отличники?

— Нет, нет, — решительно машет головой Асия Вильдановна и поясняет: — Это ребята, которые адекватно ведут себя в различных ситуациях. Если ошиблись, признают ошибку, никогда не станут выкручиваться, уваливать от ответственности, сваливать вину на других. Даже если попадут в смешную ситуацию, они способны к самоиронии, контактны, правдивы,

всегда приветливы, у них добрые сердца... Это очень хорошие люди.

— На всю школу — всего-то около 50 ребят с хорошим характером?

— Ну, во-первых школа у нас небольшая и 50 человек — почти треть учеников. А потом их гораздо больше. Мы вынесли на стенд только тех, кого хорошо знает вся школа. И правильно сделали. Пусть дети задумаются: что такое — характер, какой у них характер? Круглым отличником не всякий станет, да это и не нужно. Спортивные рекорды тоже не любому по плечу. А вот улучшить свой характер, научиться дружить с людьми, помогать им, не взращивать в себе лень, не делать подлости, не лгать, держать своё слово — это ведь по силам каждому. Знаете, как только в школе появился этот стенд, многие ребята спрашивали учителей, классных руководителей: «А у меня какой характер?» И педагоги стали обращать на это внимание — провели классные часы, беседы о воспитании характера, о качествах человека с хорошим характером. Мы и на педсоветах обсуждаем эту проблему. При организации внеклассных и внешкольных мероприятий оцениваем: какие поручения выбирают ребята, не прячутся ли за спину товарища — себе дело полегче, а остальные пусть «отдуваются». А когда подводим итоги, непременно отметим, кто и как проявил в деле свой характер. Это очень эффективный способ воздействовать на ребят, гораздо более эффективный, чем отметка. Как и любое качество, характер нужно воспитывать, тренировать школьников в совершении хороших поступков. Иначе могут вырасти из них разболтанные, необязательные, лживые люди... Убеждена: если бы все мы уделяли этой проблеме постоянное внимание, не было бы в стране тотального воровства, жестокости, не расплодились бы, как тараканы, наши отечественные киллеры и «отморозки»... Человек с хорошим характером органически не способен на подлость, ложь, предательство.

В различных ситуациях я видела, как в Татарско-Кандызской школе воспитывают характеры ребят — на уроках, в индивидуальной работе (здесь это не декларация, а способ педагогического общения с детьми), и в подготовке общешкольного дела, и в труде. Сельские школы в отличие от городских воспитывают не только «головастиков», но и «рукастиков» — ребята многое делают в школе и дома своими руками. И делают — с удовольствием, а не из-под палки.

Видимо, прав был Виссарион Григорьевич Белинский, утверждая в крылатой фразе: «Посеешь привычку — пожнёшь характер, посеешь характер — пожнёшь судьбу...» И наверное, не только свою и окружающих. Нынешняя массовая привычка «брать от жизни всё» без ответа на вопрос, а что ты даёшь жизни? — не она ли определяет сегодняшнюю судьбу страны?..

В общении со школой я неоднократно убеждалась в том, что в этом коллективе превыше всего ценят не знания, умения и навыки (дело это наживное!), а человеческие качества — нравственность, доброту, способность к любви и состраданию, ответственность перед людьми за свои дела. В беседе с директором школы Асией Вильдановной Халиуллиной я задаю ей совершенно нелепый, как теперь понимаю, вопрос:

— По каким критериям оцениваете вы воспитанность школьников?

Она несколько секунд, глядя на меня, молчит, затем, обернувшись к окну, делает широкий жест рукой:

— Да по тому, как они живут. Как относятся к жёнам, как детей воспитывают, как работают, что о них люди говорят. По каким же ещё критериям их оценивать?

В этом простом и мудром ответе посрамлены все наши «научно»-выморочные, умозрительные «модели выпускников», все умствующие «критерии воспитанности», которые гроша ломаного не стоят. Сколько бы мы ни изощрялись на бумаге, а вот он, **главный критерий: жизнь и человек в ней**. Других «показателей» нет, о чём сказано ещё тысячи лет назад: «По делам их узнаете их».

И Асия Вильдановна это подтверждает:

— Каждый год по 10–15 человек из нашего села награждают на слёте передовиков. А это всё — наши выпускники. Я сижу, записываю — уже несколько листов в тетради с их фамилиями. А потом вместе с коллегами размышляю: почему нет в этом списке Анвара, Ильяса,

Эскендера, Нургали? Значит, что-то мы упустили, недоработали...

Так директор назвала ещё один, пожалуй, **самый главный для школы показатель воспитанности — отношение к труду**. Трудом заполнена вся школьная жизнь. Четверть века ученической производственной бригаде «Алмаш» («Смена»). На 35 гектарах выращивают ребята овощи, трудятся всё лето. Трудятся весело, радостно: после поля — купание, вечером — игры, танцы, а то и «малый сабантуй» устроят вместе с рабочими Акционерного общества, рука об руку с которыми работают. Сегодня в селе все трактористы, шофёры, полеводы — выходцы из ученической бригады. Многие закончили институты, работают экономистами, зоотехниками, инженерами, нефтяниками, бухгалтерами. Асия Вильдановна безошибочно называет выпускников по именам, годы, когда они окончили школу, институты и техникумы, где учились, предприятия, где сейчас работают. Практически никто не покинул родные места. Все — в соседних деревнях, в своей республике. Никто не уехал в Америку или в Европу. И не собираются быть «международными обшмыгами» (Достоевский) — **человеку умелому да работающему и на своей земле дел немало...**

А кто из ребят не в бригаде (младшие и средние классы), те на пришкольном участке работают всё лето — с июня по 31 августа. Больше 10 лет пришкольный учебно-опытный участок занимает первое место в районе — с такой любовью он обихожен. Летом при школе открыт лагерь труда и отдыха — с бесплатным питанием, с экскурсиями, разнообразной программой. В лагере отдыхают дети-сироты, и все ученики о них заботятся. Особенно те, кто собирается после школы в педагогический институт. Таких ребят немало: у каждого есть живой пример перед глазами — любимый учитель.

Трудовая закалка, полученная в школе, для многих выпускников становится основой профессионального выбора: работа на земле. Передовики сельскохозяйственного производства, фамилии которых ежегодно пополняют директорскую тетрадку, — только часть трудовых ресурсов Бавлинского района. Сегодня многие вчерашние школьники пробуют свои силы в собственном деле. А поскольку выросли они не в безделье, то это им вполне удаётся. Успешно ведут свои фермерские хозяйства Вахит Исламгалиев, Руслан Фаттахов, Сири Гайфуллин. Весь район снабжают свежими овощами, продуктами. И никто в селе — ни один человек! — не упрекнёт их в стяжательстве. Надо — поделятся, помогут, сами без просьбы придут на помощь односельчанам. Узнали, что школьники вычистили все родники в окрестностях села, тут же включились в это благое дело — вымостили мраморными плитами подходы к источникам, сделали навесы. Теперь «к родникам» ходят сельчане, не только за тем, чтобы испить студёной воды, но и посидеть у этой красоты, послушать журчание серебряных струй.

Асия Вильдановна откровенно гордится своими бывшими питомцами, словно это её родные дети. Впрочем, разве не так? Учила их родителей, потом их самих, теперь в школу ходят их дети... Но особую радость испытывает директор от того, что не предали её питомцы те ценности, на которых воспитывала их школа. Признаётся:

— Я горжусь тем, что наши выпускники, которые ушли в бизнес, не делают свой успех способом «загрести» как можно больше любыми путями, даже обманом. Бизнес для них — такая же работа, как и любая другая, делать которую надо с той же мерой ответственности, добросовестности, честности. — И, немного, помолчав, добавила — словно печать поставила: Нам высокообразованные нахалы и жулики не нужны. Вон их сколько сегодня развелось, этих менеджеров с незаурядно развитыми способностями по части хватательных рефлексов, — работают плечами, локтями. Да они же по головам пройдут, каждого затопчут, кто стоит на пути к их финансовому успеху. Посмотрите, до чего дошло: олигарх отключает энергию в огромном крае... А ведь это недавний выпускник школы. Похоже, всё нутро человека заполнил доллар. Без долгой реанимации совести не вернуть таких дельцов к человеческому состоянию. Нет, мы хотим жить среди нормальных, хороших людей...

Вот и ещё одну простую истину напомнила директор сельской школы: кем бы человек ни стал — слесарем, дворником или олигархом, — самое главное, чтобы остался человеком. Без цинизма и лжи, без хлестаковщины и остап-бендерщины, без мания-

кального стремления к наживе, не способный предать и продать ради своей успешности в жизни. Призрачна такая «успешность»: в один прекрасный день рухнет, как домик из песка, и ужаснётся человек, заглянув в бездну своей души... Если, конечно, способен на это.

Я долго пыталась понять: откуда эти столь буйные ростки порядочности, даже щепетильности во многих вещах? Откуда у людей этой татарской глубинки такой аристократизм духа? Такое внутреннее достоинство?

Молодая учительница, не уверенная в себе, приглашает родителей учеников на свои уроки — словно специально идёт сдавать самый трудный экзамен. И родители ребят присутствуют на 40 её уроках — слушают, наблюдают, заново открывают и школу, и своих детей. А после этой «родительско-инспекторской проверки» просят учительницу: «Вы моего загружайте, не жалейте», «Не сердитесь на сына: он тугодум. И дома так — всё делает, но уж очень медленно»...

Потом учительница призналась: «Пальцы дрожали, когда писала на доске. Это гораздо ответственнее, чем инспектор на уроке — он приехал и уехал, а с этими людьми мне жить, в глаза им смотреть...»

В этой позиции — полное отсутствие показухи, органическое неприятие какого бы то ни было искусственного «имиджа» — одна только естественная внутренняя потребность узнать мнение односельчан о своей работе. Без громких презентаций, без суетни, предшествующей многим открытым урокам «на публику»: взяла и привела в класс самых взыскательных — и постоянных! — инспекторов. Согласитесь, для этого нужно мужество и... характер.

Черты этого открытого, доброго коллективного характера учителей школы проявляются не только на работе.

Сколько горестных, а то и сатирических страниц книг посвящено отношениям невестки со свекровью, сколько тяжких бытовых историй вобрал этот «вечный сюжет», в основе которого столь же «вечный» конфликт! Но вот слышу в Кандызе: молодые построили, наконец, свой дом, а до этого лет десять жили у родителей мужа. И свекровь искренне горюет о невестке: «Как буду без неё? Такая она у нас ладная, приветливая... Дом просто осиротел...» Вот вам и вечный конфликт! В семьях, где живут люди, а не волки, — всё по-человечески.

Так откуда же они, эти глубокие корни добропорядочности, дающие там и здесь свои мощные ростки?

Скорее всего — от предков, заветам которых свято следуют учителя и ученики. «Деды и отцы учили нас жить по совести, по чести», — слышала я от директора и её коллег. Это проявляется в большом и малом.

В Татарско-Кандызской, как и во всех школах, на переменах ребята носятся сломя голову. Но стоит взрослому появиться в поле их зрения, как словно по внутренней команде школьники замедляют шаг и с улыбкой, с лёгким поклоном (а не бросая мимоходом «здрасьте!») здороваются. И в этом не только результат воспитания, вошедший в уклад жизни, но ещё и привычка следовать неукоснительным, как ритуал, традициям национального этикета, одна из которых — уважение к старшим.

Во многом атмосфера школы, её характер определяются личностью директора и её заместителей. Впрочем, в этом Татарско-Кандызская школа отнюдь не оригинальна. Личность руководителя всегда накладывает неизгладимый отпечаток на коллектив и либо цементирует, либо деформирует отношения в нём. Асия Вильдановна — созидатель по натуре, по характеру, по профессии. Как ей удаётся «дойти» до всех уголков школьной жизни, заставить этот громоздкий механизм действовать чётко, как швейцарские часы ручной работы, — одному Богу известно. Сама она на моё настойчивое стремление проникнуть в её «управленческую технологию» довольно однообразно отвечала:

— Работаем ведь... Следим за порядком. Люди у нас ответственные.

В самом деле, чего проще — ответственно относиться к своему делу?! К тому, которое ты сам избрал, которому учился и теперь его исполняешь? Но почему-то в одном коллективе это происходит совершенно естественно, а в другом — хоть убейся, а «шестерёнки» вращаются лихорадочно, то и дело давая сбои. Асия Вильдановна в ответ на мои настойчивые вопросы

приоткрыла, наконец, некий «технологический» аспект этой проблемы:

— У нас стабильный коллектив. Его костяк — профессионалы. Текучесть кадров — односторонняя: к нам «притекает» молодёжь, сразу же попадая в атмосферу компетентности, требовательности, порядка. В ситуации укоренённого разгильдяйства попробуйте добиться дисциплины!

Да уж... Атакующую силу разгильдяйства мы испытывали на себе десятилетия. И продолжаем, увы, до сих пор.

Многое в школе окрашено позицией директора, её отношением к жизни. Наверное, есть и у Асии Вильдановны свои горькие вопросы, задаваемые в одиночестве и, по существу, безответные.

Призналась, что её всегда очень тревожит неопределённость педагогической профессии: никогда не знаешь наверное, что получишь «на выходе». Но как учитель, как управленец, она считает своим долгом передать коллективу свой гражданский заряд, оптимизм, твёрдую убеждённость в том, что только наши общие нравственные устои послужат нормальному жизнеустройству.

Сказала задумчиво:

— После гласности нам очень нужна «слышимость». Гласность пережили, накричались вдоволь, да много ли толку от этого? Теперь вот надо учиться слышать друг друга...

Мировоззрение директора школы ясно, чисто. Среди нынешних «свинцовых мерзостей жизни» ни на йоту не утратила она понимание, сердечность, доброту.

Так же чист, многогранен, добродушно-улыбчив и мир школы. Не знаю, отнести ли к её жизненному укладу или к дополнительному образованию тот факт, что вся школа поёт и танцует. Трудно это представить, но в маленькой сельской школе, где всего-то 182 ученика, несколько лет действуют 11 хореографических кружков. Методическая тема школы — «Нравственное воспитание учащихся». Семь лет назад введено углублённое изучение изобразительного искусства, с 1-го по 9-й класс ведутся уроки хореографии. Зал для занятий оборудован зеркалами, балетными станками, как в настоящей балетной школе. Ребята учат и татарским национальным, и русским, и танцам других народов. Было время — на вечерах всего две-три пары танцевали вальс, сегодня — это один из самых любимых танцев в школе.

Нет, татарско-кандызские ученики не водят хороводы в национальных платьях вокруг берёз — они вполне современные ребята и очень любят дискотеку. Только внесли в неё свою... окраску, что ли: на дискотеках танцуют не в темноте и плотной, душной толпой, а при ярком свете, в нарядных туалетах. Хореограф Лилия Марсовна Фатхуллина и завуч по воспитательной работе Гульшат Гимаевна Фартахова вместе с классными руководителями провели беседы с ребятами, классные часы, диспуты о хорошем вкусе как «отменной манере» воспитанного человека. И, представьте, сумели убедить юношей и девушек, что танцы в темноте неэстетичны, да и очарования молодости не увидишь — зачем же скрывать величайший дар природы?

Самое удивительное в наше время, что советы учителей (по многим жизненным проблемам) ребята воспринимают, следуют им, их советы становятся для школьников внутренним императивом. В «пустыне отрочества, которую всяк по-своему преодолевает» (Л. Толстой), у татарско-кандызских подростков есть надёжный спутник, а может, и лоцман — школа и учителя. Добросовестно, тщательно вспахивают они свою ниву. А все мы по опыту знаем, что только на почве, которая глубоко и постоянно обрабатывается, семена дают хорошие всходы. Стоит начать имитировать деятельность — получишь сорняки. В этом я убеждалась не раз в Татарском Кандызе. Особенно ярко, на мой взгляд, способность учителей к «глубокой вспашке» проявилась в отношении ребят к литературе, к книге.

В этом татарском селе и в школе говорят на чистом русском языке. Пожалуй, даже щегольски чистом! И снова я не знаю, к чему это отнести: к укладу школьной жизни или к качеству преподавания литературы? Директор школы — словесница и, конечно же, задаёт в этом тон, ставит очень высокую планку. Потрясающее открытие сделала я в этом селе: молодёжь не читает Маринину, Серову, Шилова! Словно и нет их, словно и не ломаются развалы

от их словесной «продукции» (книгами эту писанину как-то и называть неловко). Любимое произведение многих восьмиклассников — «Повести Белкина» (это в национальной школе!), а у старшеклассников — «Война и мир», поэзия Марины Цветаевой. В читательских формулярах ребят из современной литературы — Чингиз Айтматов, Валентин Распутин, Константин Симонов, Фёдор Абрамов. Конечно же, всё — от учителей литературы, от их культуры, от прекрасного знания русского языка, тонкого художественного вкуса.

Учитель-методист, преподавательница татарского языка и литературы Зухра Миннихановна Гизатуллина много работает с учениками над тем, чтобы уже с 7-го класса они читали хорошие книги. Она ведёт специальный журнал рекомендательной национальной литературы, куда заносит прочитанные ребятами пьесы, романы, поэмы татарских классиков. В школе есть свой самодеятельный театр с русской и татарской труппами: ставят не только произведения национальных авторов, но и Островского, Фонвизина. Общение с родной литературой, с родным художественным словом порождает, видимо, потребность черпать их из родника русской художественной словесности. Учителя считают, что это закономерно: никакими приказами не заставишь школьников читать, если нет у них потребности в этом, внутренней мотивации. Классику здесь изучают не по учебнику и «разработкам» — её просто читают. Поэтому и любят, сохраняя в общении с книгой эмоциональное эхо, порождённое уроком литературы.

Читательские конференции, которые проводит Зухра Миннихановна, собирают такую же многочисленную аудиторию, как и дискотеки. Читательские формуляры ребят, уроки литературы с диспутами, со стремлением школьников высказать своё отношение к герою, к событию, уроки с полным отсутствием послушно-вежливой скуки — любопытнейшая сторона жизни и деятельности этой сельской школы.

Завуч по учебно-воспитательной работе Роза Ахметовна Шафикова считает: школа и дети во многом проигрывают от того, что мы утратили в последние годы трепетное отношение к уроку, что урок, служивший педагогике верой и правдой 300 лет, стал подвергаться всесторонней массированной и, увы, разрушающей критике. Директор школы с ней согласна:

— Не урок надо винить в низких результатах обученности школьников, а методы преподавания. Нигилизм по отношению к уроку породил массу очень невыразительных, малообучающих методик, которые именуют себя не иначе, как «современными технологиями». А копни, в их основе — давным-давно хорошо забытое старое. Мы очень искривили сегодня многие понятия...

Асия Вильдановна говорит это так, словно все беды нашей школы проходят через её сердце. Да и не только школы. Управленческой практике постоянно сопутствует осмысление социальных процессов. Очень чётко уловила директор способность общества к развращающему искривлению идей и понятий, с чем, похоже, все смирились (жизнь ещё и не такие рожи корчит). Вдумайтесь: вседозволенность стали почему-то называть «самовыражением», «свежий взгляд» зачастую означает полнейшую необременённость элементарными профессиональными навыками, финансовую агрессивность «героев нашего времени» определяем как жизненный успех... Даже учебную мотивацию вывернули наизнанку: «Будешь хорошо учиться — уедешь жить в Америку», — услышала я на одном из уроков в городской школе. Поэтому сегодня чистота понятий, возвращение словам их изначального смысла — необходимое условие жизненной упорядоченности, нормального жизненного уклада. Поменяйте местами чёрное и белое — и получите хаос, духовную энтропию. Отстаивая первоначальную ценность слов, истинный смысл идей и понятий, учителя дают ребятам силу противостоять негативным влияниям жизни. Поэтому-то и поняли они безошибочно, как уберечь молодёжь от пошлости телевидения, от скабрёзной разнузданности всех этих «экстра-эмов», «плюсов», «спидов-инфо»: только душевной наполненностью, которая и помогает отличать белое от чёрного. Иного способа противостоять масс-медиа нет.

Когда я спросила у Асии Вильдановны, как им удаётся воспитать у ребят иммунитет к растлевающему влиянию среды, она очень удивилась:

— Среда у нас вполне здоровая: люди все работающие, стоящие, приезжих «калымщиков»

нет. Все нынешние взрослые жители села — бывшие ученики школы. Верю, что нам удаётся воспитывать их в духе наших нравственных традиций. Мы очень ценим хорошие семейные отношения, внимание к детям. А ведь хороший человек или плохой — зависит от того, сколько он внёс счастья и доброты в эту жизнь. В селе практически нет разводов, и это на фоне современной тотальной распущенности молодёжи. Семья для татар остаётся понятием святым, вечным. Поэтому в школе — никаких программ «полового воспитания», никаких и бесед «о безопасном сексе», о «свободной любви», о пользовании противозачаточными средствами. Наши старшеклассницы гневно вышли бы из класса, попробуй мы нести им всю эту пошлость «полового просвещения». Эта тема совершенно неактуальна для старшеклассников. Вот о любви и дружбе они готовы слушать и говорить бесконечно. И мы предоставляем им такую возможность — проводим диспуты, поэтические гостиные, молодёжные вечера.

Я полностью согласилась с Асией Вильдановой: самый стойкий, самый надёжный иммунитет против любого растлевающего влияния — внутренняя культура, воспитание на извечных национальных традициях, на классических образцах литературы, музыки, живописи. А они окружают сельских школьников всюду — на уроках, на досуге, в кружках, где ребята занимаются национальными промыслами, вышивкой, художественным вязанием. Всё село щеголяло в шикарных, безукоризненного вкуса свитерах и платьях — изделиях школьных умелиц. Даже мальчики увлеклись вязанием пуловеров, жилетов и считают это более элегантной одеждой, чем футболки с надписью «Чикагские быки». А увлекла этим мастерица-учительница.

В рекреациях школы на разных этажах расположились «Малая Третьяковка» и «Малый Русский музей». Кто-то пробежит мимо копий шедевров живописи, а кто-то задержится раз, другой, третий. Но однажды каждый класс пройдёт не спеша и постоит у каждой картины: здесь проходят уроки литературы, мировой художественной культуры.

Собрал эту школьную картинную галерею учитель изобразительного искусства Ильшат Шамилевич Халиуллин, большой знаток и ценитель живописи. Впрочем, в школе каждый учитель — мастер своего дела и в чём-то художник. Стоит посмотреть, как работают учителя труда Инзел Мазитович Имамутдинов, Магсум Зайнутдинович Талипов, Шакирзян Шайнурович Галимов, какой порядок в мастерских, и вы с этим согласитесь: здесь работают профессионалы высокого класса, любящие труд. Поэтому с таким увлечением занимаются ребята в столярной, токарной мастерских школы, овладевают профессией токаря, столяра, строителя. В школе многое сделано их руками — добротное, со вкусом, даже с некоторым техническим изыском.

Чем дольше знакомилась я со школой, тем яснее становилось, откуда они, эти ростки порядочности её выпускников: **почва для них — повсюду в школе, в каждом её шаге, в каждом начинании. А значит — и в окружающем социуме.**

— Хотим, чтобы наши ученики твёрдо усвоили: все мы — часть природы, — говорит Асия Вильдановна.

Школа делает для этого очень многое. Юные экологи заботятся о своём селе и его окрестностях — сохраняют первоцветы и ландыши. На Салиховской горе, что неподалёку от села, нашли более 200 видов растений и занесли многие из них в свою «Красную книгу». В школьном уголке живой природы — 16 разноцветных и «разновеликих» попугаев, канарейки, другие певчие птицы. Вся эта пернатая живность свободно летает по своему просторному жилищу, а часто «прогуливается» по коридорам, залетает иногда и в классы.

Есть у Татарско-Кандызской школы ещё одна удивительная особенность: её прямо-таки трепетное отношение к хлебу. В плане классных руководителей — экскурсии на свежевспаханное поле и на поле поспевающей ржи, пшеницы. В другом плане — беседы о хлебе, о тех, кто его выращивает. В школьной системе дополнительного образования — кружок «Хлеб наш насущный». Много ли подобных кружков в наших школах?

Истоки такого отношения к хлебу вскоре стали понятны: здесь создан один из самых уникальных музеев — музей хлеба. Инициатор его создания — преподаватель истории, учитель-методист Шамиль Адиуллоевич Халиуллин. Его идея вдохновила ребят: были созданы

группы собирателей предметов старины, художников, чертёжников, столяров и даже... стеклянщиков — витрин понадобилось много. Сегодня в экспозиции — около 600 экспонатов об истории хлеба, альбомы и шёлковые ленты батыров хлебной нивы, около 100 сочинений ребят о хлебе. Каждый год уроки биологии начинаются в музее хлеба.

... Вряд ли кто сможет переступить без волнения порог этого просторного светлого зала. Здесь всё продумано до деталей: рядом с пышными снопами щедрых пшеничных колосьев — угольно-чёрный, чуть больше спичечного коробка кусочек ленинградского блокадного хлеба, как суровое напоминание потомкам о блокадной трагедии жителей великого города. По школьному музею можно бродить часами — столько в его экспонатах интереснейшей информации, человеческих судеб, так или иначе связанных с хлебом. И начинаешь понимать непреходящую мудрость народа, донесшего до нас в пословице простую и вечную истину: «Хлеб — всему голова»... Народ пришёл к этой истине, познав муки голода, тяготы неурожайных лет. Как глубокий вздох, рождались на бесхлебье пословицы: «Худ обед, коли хлеба нет», «Сколько ни думай — лучше хлеба ничего не придумаешь»... Экспонаты музея передают молодому поколению затаённое, до конца не осознанное чувство вечного, почти генетического родства человека с кусочком пахучего, прогретого жаром печи хлеба...

Шамиль Адиуллинович — не только организатор музея. Он — и самый эмоциональный, самый знающий его экскурсовод. Ведь всё в музее — от каждого колоска до витрин и последнего гвоздя — собрано и сделано его руками и руками его учеников. Когда учитель ведёт занятие в музее (а здесь проходят уроки истории, географии, биологии и других предметов) или экскурсию, он надевает военный мундир. И не ради того, чтобы покрасоваться перед ребятами в военной форме: для полковника в отставке Шамиля Халиуллина работа в музее — служение святому делу. Он рассказывает ребятам о трагических страницах истории этого древнего села, когда во время голода оно почти опустело. О его героических годах, когда здесь проходила дивизия Чапаева и легендарный комдив вместе с комиссаром Дмитрием Фурмановым останавливался в Татарском Кандызе.

Я смотрела на лица ребят и ожидала иронических улыбок: Василий Иванович Чапаев сегодняшним городским подросткам известен, скорее всего, как персонаж плоскостопных анекдотов. Но немало ещё, к счастью, мест на Руси, не тронутых цинизмом: школьники слушали внимательно, сосредоточенно, с полным доверием к учителю и с гордостью за своих отцов и дедов.

И в этом проявилось не только влияние уроков истории, литературы, на которых сельские учителя ведут разговор о недостатках прежнего времени с гораздо большим историческим тактом, чем просвещённые столичные политологи, но и весь уклад школьной жизни — глубокое почтение к ветеранам труда и Великой Отечественной, забота о них, память о тех, кто ушёл из жизни. Школьники взяли под своё шефство сельское кладбище, вычистили его территорию, поправили могилы, расчистили дорожки. Мне кажется, такие вот коллективные поступки гораздо важнее «тонн словесной руды» о воспитании. Тысячу раз прав великий Ян Амос Коменский, утверждавший, что «добродетель воспитывается посредством дел, а не посредством болтовни...».

По крупицам прояснялось в Татарском Кандызе понятие «уклад школьной жизни»: это всё богатство отношений в коллективе и в социуме, вся гамма положительных эмоций, которая непременно сопровождает ответственно и профессионально выполненную работу. Это — черты характера школы.

А характер школы... какой он? Всё, что она делает, — лишено показухи, эффектных громких хлопков. В состоянии радостной профессиональной сосредоточенности трудится она, никому не подражая, ничего не имитируя. Ей удалось избежать соблазна муляжным блеском инноваций, качество образования она оценивает по тому, сколько порядочных людей выпустила из своих стен. В ней много весёлого, национального, оптимистичного. У этой школы — свой, западающий в душу имидж, и, думаю, не ошибусь, если скажу, что это школа с очень хорошим характером. Вся её жизнь и деятельность — это повседневное, не рассчитанное на аплодисменты служение детям.

...Очень не хотелось уезжать из этой школы «в глубинке», которая всем своим жизненным укладом воспитывает хороших людей. Не хотелось расставаться с директором, с учителями. В моём профессиональном сознании Татарско-Кандызская школа заняла особое место, ибо преподавала урок, что называется, «на всю оставшуюся жизнь»: никогда не спрашивай о критериях воспитанности учеников. Оглянись вокруг — и всё станет ясно, как Божий день...

Бавлинский район Республики Татарстан

P.S. А рекомендации об укладе школьной жизни Виктору Фёдоровичу Сауткину разработать всё же удалось, и руководители школ с огромной благодарностью восприняли этот документ. И работают в этом направлении...